



П. М. Ключковский—секретарь парткома



О. А. Николаева—Оля



Е. В. Юнгера—Лиды



К. С. Калинин—Вася

ПЛАТОН КРЕЧЕТ

(ОТРЫВКИ ИЗ ПЬЕСЫ)

Картина вторая
У Береста

Платон—Товарищ Берест, я прошу вас отложить нашу беседу — я плохо себя чувствую...

Берест—Вы в самом деле измучились. Что случилось?

Платон—Оперировал сегодня больного вторично...

Берест—Больной умер?

Платон—Нет, но я вырвал у смерти только два—три дня. Сердце... Понимаете, совсем большое сердце. 50 лет, а сердце, амортизация организма, точно прожил сто.

Берест—Кто больной?

Платон—Больной... отец Лиды.

Берест—Отец Лиды... Она знает?

Платон—Ей не следует говорить. Она еще ничего не знает. Не стоит волновать.

Берест—А, может, лучше сказать, если ясно, что конец?

Платон—Завтра я в последний раз попытаюсь перебороть его старость—смерть...

Берест—Преодолеть старость, смерть... Товарищ Кречет, не кажется ли вам, что старость несравненно хуже смерти. Я смерти никогда не боялся и я уверен, что встречу ее спокойно, как встречал не раз на фронте. Но вот старость... Когда уставшее сердце начинает задыхаться и воздуха целой страны тебе не хватает. О, это страшный враг. Вы обязаны помочь одолеть его.

Платон—Побороть смерть человек еще не в силах, но преждевременную смерть, преждевременную старость—можно и необходимо. Когда жизненный круг замыкается нормально и распад материи протекает естественно, тогда чувство страха пропадает и человек спокойно ждет конца. Но таких мало. Среди нас много еще варваров, которые пускают свое здоровье на ветер, пренебрегают самым дорогим, бросаются в объятия преждевременной старости. Я понимаю статистику царской России. В 1910 году средняя продолжительность жизни женщины равнялась 33,9 года, а мужчины жил только 31,9 года. Таковы были условия.

Берест—31 год—средняя продолжительность жизни мужчины, 33—женщины. Это страшный документ царизма.

Платон—У человечества украдено солнце на миллионы лет. Мы возвращаем его. Впервые в истории человечества у нас смерть отступает. И я верю, товарищ Берест, недалек тот день, когда мы уничто-

жим преждевременную старость навсегда, отвоюем у смерти время, вернем будущим поколениям миллионы солнечных дней.

Берест—Миллионы солнечных дней... Это будет самый гуманный памятник старым большевикам, преждевременно сгоревшим, открывая солнце...

Картина четвертая
Вестибюль больницы

Христина Архиповна—Оно, знаете, разные случаи бывают. Сколько я посмотрела за двадцать лет своей медицинской службы санитаркой! В девятнадцатом году служила я санитаркой в больнице—небольшой—возле Попелюхи. Слыхали, Попелюхи?... Больных было немного: одни выздоравливали, другие умирали, и жизнь наша медицинская шла спокойно. Но раз вечером налетела на село кавалерия денкинской. Стали они на ночь по хатам, а в больницу пришел офицер с приказом собрать весь инструмент, лекарства, и на рассвете выступить с ними, как мобилизованные. Доктор и фельдшер сразу согласились, но через час бежали... Осталась с больными одна я и думаю: что-ж его делать, когда вся медицина бежала? Однако, из овражка за селом—слышу—застрелал пулемет—и пошло... Окружили село наши красные, били-били из орудий целую ночь денкинцы, а на утро сдались. Вышла я к воротам больницы, смотрю—несут кого-то раненого. Подходят. Спрашивает один—со звездочкой: «Эго больница?» «Здесь, говорю, несите сюда», а сама дрожу, что-ж оно будет, если наш доктор и фельдшер—вся медицина бежала. А они все с ружьями и похожего на доктора между ними нет. «Кто вы такой?»—спрашивает матрос, видно, командир. «Христина Архиповна,—отвечаю,—санитарка». «Зовите врача, комиссар тяжело ранен, большой осколок в ногу». «Нет врача, нет и фельдшера,—бежали еще вчера, бежала вся медицина», и рассказала я им все... Стонет бедный комиссар. Побелело лицо его,—кровью исходит...

Смотрят на него молча красноармейцы—заскучали, а командир не выдержал и вытер слезу кулаком... И так меня за сердце взяло, подошла я к ним и говорю: «Скидывайте, ребята, ружья, мойте руки и будете мне подсоблять... И сбросили они молча ружья, помыли руки и положили комиссара на стол. Разрезала я штанину, смотрю—застрял в ноге большой осколок. Хотела я сделать операцию без боли, нашла шприц, а тех лекарств, что боль останавли-

вают, найти не могу—на всех бутылках по-латыни написано, а вся наша медицина бежала. Промыла я рану, смазала йодом, ножик взяла медицинский, поддержала его на огне и говорю им: «Держите, ребята, комиссара, держите крепко, будем начинать». Положили они руки на комиссара, я скоренько тело разрезала и легонько осколок вытащила, кровь остановила и забинтовала. На другой день легче стало комиссару. Полежал он шесть дней, а на десятый—тронулись они из села, и когда проезжали мимо больницы, остановил их командир—матрос. Вызвали меня, и не успела я подойти, как крикнул матрос-командир: «Эскадрон, смирно, на Христину Архиповну равняйся!». Все выхватили шашки, а я с перепугу чуть не упала. Тогда сошел с коня матрос-командир, подошел ко мне, взял под козырек и сказал: «От красной кавалерии благодарю вас, Христина Архиповна, за операцию нашему дорогому товарищу комиссару. Производим вас в почетные красные санитарки». И снял он с бескозырки звездочку, отдал мне и поцеловал. Все крикнули «ура!» три раза и поехали... И сейчас лежит у меня дома та звездочка... Железная она, но дорога мне, так как такой случай в нашей медицинской жизни забыть невозможно...

УКРАИНСКИЕ ПЬЕСЫ

В ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ им. А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

Театральная библиотека им. А. В. Луначарского (при театре Госдрамы в Ленинграде) располагает ценным фондом драматических произведений на украинском языке, количеством около 3.000 единиц.

Фонд этот поступил в библиотеку из хранилища драматической цензуры, и в громадном большинстве представляет рукописи, волею царской цензуры обреченные на вечный покой в стенах хранилища.

Хронологически фонд охватывает период 1870—1916 гг. Разумеется, годы 1876—1881 представлены слабо, почти вычеркнутые из истории украинской драматургии известным указом 1876 г., запретившим «различные сценические представления и чтения на малорусском языке».

Отмена указа в 1881 г. и отмена предварительной цензуры в 1905 г. мало чем облегчили положение украинской пьесы, наглядным доказательством чего являются пометки на рукописях «признано неудобным к постановке», «разрешено с исключением», «запрещено на основании доклада о той же пьесе тогда то», целые вычеркнутые страницы, переделанные заглавия и

т. д. По этим пометкам легко проследить историю мытарства украинской пьесы на ее тернистом пути от автора до зрителя. Являясь первоисточником для истории отношения царской цензуры к украинской пьесе, фонд имеет немаловажный интерес для истории отношения цензуры к драматическому произведению вообще, особенно в годы 1905 и следующие.

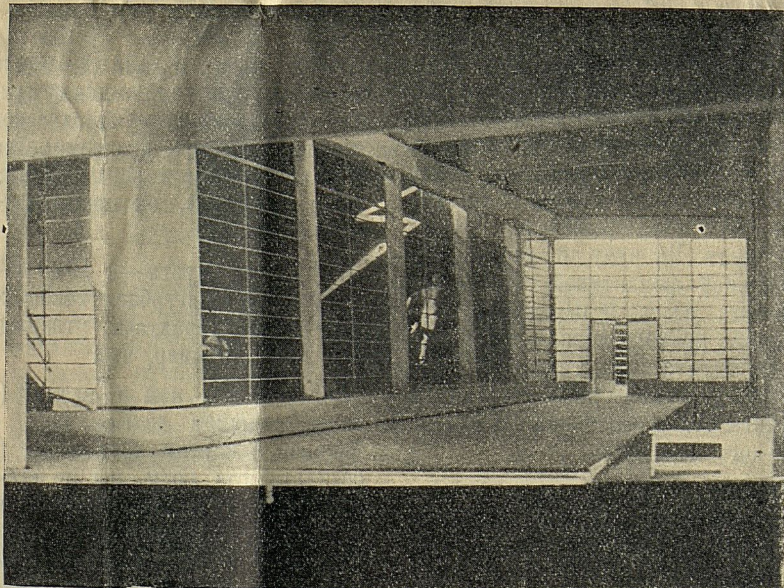
Еще в большей степени любопытен фонд для истории украинской драматургии. Мы имеем здесь почти все, что дала украинская литература на драматическом фронте за период 1870—1916 гг. Почти исчерпывающе представлены в рукописях Кривиницкий, Старицкий и Карпенко-Карый, братья последнего Саксаганский и Садовский. Из более поздних драматургов—Борис Гринченко, Елена Пчелка, Леся Украинка. Имеется целый ряд переводов Гауптмана, Стриндберга, Выспянского, переделок для сцены произведений Словацкого, Сенкевича, Крашевского, переводов с русского—Толстого, Чехова, Островского, Гоголя. Наконец, библиотека хранит большое количество пьес мало известных, а иногда и совершенно неизвестных авторов, периода 1905—1916 годов, большого исторического значения, самые названия которых—«Жертва капитала или шахта Мария», «Голодранцы», «В дыму завода» и др.—говорят об их содержании. Имеется известная доля и малоизвестного материала, в роде ура-патриотических пьес, связанных с 1914 годом, и ряда плохеньких подражательных фарсов и водевилей.

Все эти рукописи нашли применение лишь в очень незначительной доле. Имеем в виду издание сочинений Кривиницкого (М. Кривиницкий. Твори ДВУ 1930 и след. Вышли тома 3-7), издание избранных произведений Старицкого (М.П. Старицкий. Выбрани твори «Лит. и мист». 1931), частично основывающиеся на рукописях этих драматургов, входящих в фонд Театральной библиотеки. Но для историка украинской драматургии здесь еще непочатый край работы.

В настоящее время Театральной библиотекой поставлена работа по описанию фонда, в итоге которой предполагается издать полный Указатель всех хранящихся здесь пьес на украинском языке.

Единственная, вышедшая до сих пор библиография украинской драматургии—«Українська драматургія», принадлежащая М. Комарову, охватывает материал кончая 1912 г. (основная часть вышла в 1906, дополнения в 1912 г.). Если учесть, что период 1913—1916 гг. совершенно не охвачен этой библиографией и что далеко не все, относящееся к годам 1870—1912, Комаровым зарегистрировано, следует считать, что Указатель является ценным продолжением библиографии Комарова и дополнением к ней за охваченные ею годы.

Л. Разумовская



Худ. А. Ф. Босулаев

Макет 4 картины

„ПЛАТОН КРЕЧЕТ“

Пьеса в 4 действ., 5 карт. А. Корнейчука, перевод с украинского И. Крути.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Платон Иванович Кречет, хирург Н. К. Вальяно
Лиды, архитектор Е. В. Юнгера
Степа, окулист В. В. Кабатченко
Вали, ассистент О. Н. Бибинова
Терентий Осипович Бублик, терапевт А. С. Любош (з. а.)
Аркадий Павлович, заведывающий больницей Б. Е. Жуковский
Марья Тарасовна Кречет, мать Платона Л. П. Карташева

(засл. арт.)
Н. П. Шигорика
Павел Семенович Берест, председатель Исполкома Н. К. Симонов
Майя, его дочь О. В. Смирнова
Христина Архиповна, санитарка Е. П. Корчагина-Александровская

(Нар. арт.)
В. Г. Ревякина
Бочкарева, зав. Горздравотделом А. Я. Козлова

М. П. Таганосова
Вася, шофер К. С. Калинин

Н. Н. Мотыльков
Оля, приятельница Вали О. А. Николаева

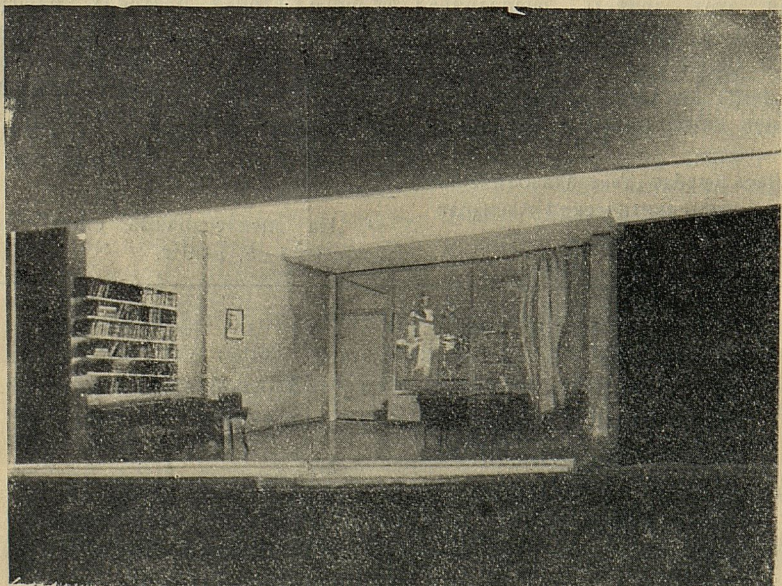
Секретарь парткома П. М. Ключковский

Ассистенты, ответственные работники и комсомольцы: студенты Театр. Училища Гос. Ак. Театра Драмы и Гос. Театр. Училища.

Постановка засл. деят искусств Б. М. Сушкевича
Художник А. Ф. Босулаев

Музыка В. М. Богданова-Березовского
Режиссер-лаборант В. С. Иогельсон.

Спектакль ведет В. К. Станиславский.
Декорации по макету худ. А. Ф. Босулаева выполн. маст. Гос. Ак. Театра Драмы под руковод. Ю. П. Шентяева, художн.: М. Ф. Кобышев, Н. А. Чистяков, М. А. Филиппов и В. М. Хвостов.



Худ. А. Ф. Босулаев

Макет 2 картины